

Против Врангеля

8 ноября 1920 года курсант роты связи Петроградской военно-инженерной школы Иван Мишин сидел с напарником возле катушки телефонного кабеля в стогу сена и, покуривая, с вниманием прислушивался к звуку снарядов: красноармейские, посвистывая, уходили через Сиваш на крымскую сторону, а оттуда, пролетая над головами курсантов и разрываясь где-то позади, белогвардейские летели на таврическую. Постепенно, однако, все меньше разрывов слышалось за спинами курсантов, а это значило, что пущенные вброд через гнилое море Сиваш конный корпус махновцев и части 12-й и 52-й дивизий сделали свое дело и достигли белого берега, по ним бьют сейчас пушки в упор. Но скоро смолкнут и они, где-то на крымской стороне пойдет смертельный рукопашный бой, в котором пушки – уже не подмога.

Сколько продлится битва с Врангелем, знать курсанты не могли: может, неделю, может, месяц, а может быть, даже два. Наступление, начатое в конце 1920 года, показало силу Красной армии, но в то же время было ясно, что противник тоже и силен, и опытен. «Отрезать» белых от Крыма, заперев их в Таврии, не удалось – все лучшие силы ушли в Крым вполне боеспособными, нанеся напоследок несколько неожиданно тяжких ударов красным частям, дав своим в порядке отойти в Крым и взорвать за собою мосты на переправах. Атака Турецкого вала 30 октября частями 13-й армии также была неудачна: еще до рассвета началось наступление пехоты, сдерживаемое сильным артиллерийским и пулеметным огнем. С появлением бронемашин в середине дня удалось захватить городок Перекоп у самого подножия белых укреплений, но дальше продвинуться части ударной группы не смогли, поливаемые смертельным огнем. И хотя им удалось удержать Перекоп, и хотя на следующий день была даже отражена атака белых из-за вала, в действительности совершенно неясно было, что за орешек Крым и как быстро удастся его расколоть.

Начдив—51 Блюхер в таких выражениях докладывал своему командарму Корку о неудаче приступа 30 октября: «Тактически позиция у противника неоценимая: все преимущества и выгоды на его стороне... Продвигающиеся наши части заметны и обстреливаются дальнобойной артиллерией за верст 8—10 не доходя Перекопа. Артиллерия и самые позиции противника закрыты за валом и находятся если и (в) поражаемом пространстве артиллерии, то во всяком случае без наблюдения... 8 рядов проволочных заграждений, около 100 пулеметных гнезд и могучая артиллерия заставила наши части залечь около самого вала...» Во время третьей атаки части прошли две укрепленные полосы, но отступили, ибо невозможно взять крепость «одними штыками, плюс к этому не имея точных данных о состоянии позиции» (79, оп. 3, д. 129, л. д. 339–343).

К Перекопу необходимо было спешно перебрасывать тяжелые орудия, аэропланы, другую технику, но все это надо было собирать по крохам, доставлять и, следовательно, терять время... 31 октября в Бериславль, находящийся километрах в восьмидесяти от передовой, прибыл 1-й красноармейский танковый отряд «в количестве одного исправного танка». В

рапорте командира бронечастей 6-й армии командарму Корку указывалось, что «второй танк стал в 14 верстах от Бериславля, третий в 30. Оба последних неисправны: лопнули трубки радиаторов вследствие холода и отсутствия спирта» (79, оп. 3, д. 129, л. д. 300). Образы потерявших подвижность танков, обледеневших в пустой степи на подступах к Крыму, грозили стать мрачной метафорой всей зимней кампании 1920 года. К позиционной войне Красная армия была не готова. В течение нескольких дней нужно было выдумать что-то, что позволило бы избежать затяжной войны и ворваться в Крым до того, как приостановка боевых действий повлечет за собой упадок настроения в частях и потерю боеспособности войск...

Фрунзе было известно, что «вскрыть» перекопскую позицию можно, выйдя в тыл ей, форсировав Сиваш, который в октябре еще начал необыкновенно сильно мелеть, о чем неоднократно сообщали красным перебежчики. Залив с песчаным дном в период высыхания шириною не превышал версты, а глубиною – поларшина, и хотя в ту осень такого роскошества не было, все равно, пройти могла и пехота, и кавалерия. На том берегу, в районе Литовского полуострова, была одна укрепленная линия взводных окопов полного профиля, соединенных ходами сообщения, блиндажи с накатом в три вершка – но, конечно, все это не шло ни в какое сравнение с тою поистине редко встречавшейся в истории фортификации позицией, которую представлял собой Турецкий вал – десятиметровая земляная стена, перекрывающая весь крымский перешеек, о которую должны были разбиться и красные пехотные цепи, и волны кавалерии – словно волны степных кочевников о Великую китайскую стену.

Традиционные переправы через Сиваш – в районе Чонгарского полуострова и в других местах, – бдительно охранялись, ночью с прожекторами – белая артиллерия не жалела французских снарядов и открывала огонь даже по отдельному человеку. Но тут Сиваш обмелел, всю воду из него сдуло ветром. Этот случай белые тоже предвидели, но заминировать дно залива толком не успели. Нужно было не упустить момент. Фрунзе не упустил.

Как известно, в ночь на 8 ноября части 6-й армии Корка, имея в авангарде конный корпус махновцев, перешли Сиваш и бросились на позиции белых на Литовском полуострове. Одновременно начался фронтальный штурм Турецкого вала и атаки во всех местах возможных переправ...

Ни восьмого, ни девятого ноября ни курсантам, сидящим в стогу сена с катушкой телефонного кабеля, ни командармам трех основных армий, бравших Крым, ни даже самому Фрунзе не могло быть ясно, чем закончится все это, и окажется ли предпринятое наступление просто вылазкой в Крым или в самом деле даст возможность закрепиться и, набравшись сил, развивать успех далее до полной победы. Но то, что победа так близка, не ожидал никто. После летних и осенних ожесточенных боев трудно было предположить, что белая сила будет сломлена в три дня. После 11 ноября врангелевцы практически уже не сопротивлялись, поспешно отступая к черноморским портам. Враг бежал. Война закончилась.

Для курсанта Ивана Мишина окончание боевых действий означало прежде всего прекращение бесчисленных мытарств, связанных с войною, и возвращение в Петроград, в любимые классы Павловского замка для занятий военной наукой. Ни рядовые курсанты, ни командиры бригады не могли, конечно, и помыслить в этот момент, что дух Гражданской войны еще не утолил своей жажды и что многие из них так и не вырвутся живыми из проклятых заколдованных пространств заснеженной степи. Казалось, напротив, что на этот раз – решительно конец. Был дан приказ: пешим порядком двигаться в Мелитополь для погрузки в вагоны и отправки в Петроград. Приказ был выполнен. Они отшагали сто верст, с торжеством победителей, исполнивших свой долг. Потом погрузка в вагоны была приостановлена. Возможно, им велели выйти из вагонов. Возможно – подняться с полу вокзальчика, где они спали вповалку со своими вещмешками и винтовками, и выстроиться на платформе. Приехал человек из Реввоенсовета Южфронта. С бумагой. Он зачитал бумагу перед строем курсантов. Из нее явствовало, что Махно, с партизанами которого они вполне сжились, воюя вместе против последнего врага, отказался выполнить приказ командующего фронтом и объявлен вне закона, а также, что крымские части его прорвались с полуострова на материк, и теперь задача курсантов – помочь уничтожить их...

Этим приказом, зачитанным на перроне Мелитопольского вокзала курсантам и точно так же зачитанным в других пехотных и кавалерийских частях командам бронепоездов и летчикам авиаотрядов, открывалось последнее действие разыграншегося на Украине исторического спектакля.

В истории махновщины последнее соглашение с большевиками в октябре 1920 года о совместных действиях против Врангеля и последовавший сразу вслед за разгромом Врангеля разрыв этого соглашения – несомненно, один из самых загадочных моментов. В свое время он был затемнен умышленно. Скажем, участие махновцев в героическом форсировании Сиваша в более или менее серьезной исторической литературе лишь иногда признавалось открыто. В общедоступных книгах, в кино, в школьных учебниках – которые, собственно, и формируют общепризнанную картину прошлого, – оно даже не упоминалось. Сейчас, с открытием «спецхранов» и многих архивных документов, легко отделаться от пропагандистских мифов прошлого.

Труднее проследить за боевыми действиями конкретных махновских частей в составе Красной армии, оценить их роль в разгроме врангелевцев: здесь очень много сырого архивного материала, который нуждается в элементарной систематизации. Но в конце концов эта задача будет, конечно, выполнена историками. Наиболее таинственна в этой истории та ее часть, которая касается «политических переговоров» махновской делегации с большевистскими руководителями в Харькове. Тут не вполне ясна роль Москвы, конкретные роли высших партийных и государственных чинов. Кто предложил инсценировать переговоры с повстанцами? От кого затем исходил приказ об аресте их делегации и разгроме частей? Почему и на этот раз большевики не продемонстрировали способности к компромиссу и предпочли действовать по старой схеме: обвинить Махно в неповиновении – объявить вне закона – уничтожить? И почему, наконец, сам Махно, зная методы политической борьбы большевиков, поверил в серьезность союза? Почему он уверился, что ему простится то, что ни одному мятежнику не прощалось? Самовольств девятнадцатого года с избытком хватило бы, чтобы его убрать с дороги, а тут еще – восемь месяцев резни

1920-го! На что он мог рассчитывать? Почему, действительно, было ему не сделаться союзником генерала Врангеля, самого либерального из всех белых военачальников, который сам предлагал Махно сотрудничество? Где логика?

Вот эту логику и надо понять, чтобы разгадать тайную подоплеку союза махновцев с Красной армией. Но тогда придется, несомненно, вернуться нам немного назад, в то время, когда Крым еще казался последней неприступной твердыней белого дела и действительным средоточием всех глубоко мыслящих и глубоко чувствующих людей России. Только потом выяснилось, что это иллюзия, что действительно думающих, равнодушных и деятельных было чрезвычайно мало, но до ужаса, до удущья много было людей бывших – бывших журналистов, бывших министров, полицеймейстеров, священников без приходов, помещиков без земли и фабрикантов без богатства, – отчего, однако, амбиции этих людей нисколько не уменьшались, а может быть, даже возрастали – в преувеличенно-патетических требованиях у военных властей денег, должностей, бумаги для газет и помещений для учреждений... Крым не мог не пасть: слишком размягченная собралась здесь публика, слишком много было собственно «публики» – тогда как против красных легионов нужны были солдаты, офицеры, граждане... Но это видно сейчас, это стало видно, когда Крым пал.

А в начале 1920 года все виделось иначе.

В конце марта с прибытием марковской дивизии из Новороссийска в Севастополь эвакуация остатков деникинской армии в Крым была завершена. Армию удалось спасти. Казалось, можно спасти еще и белое дело.

Первым шагом на этом пути представлялась замена главнокомандующего. Ультиматум А. И. Деникину предъявил генерал Кутепов, заявивший, что после всего происшедшего в Новороссийске, после бегства и малодушного отступления перед партизанскими бандами «зеленых» Добровольческий корпус уже не доверяет ему так, как раньше.

Деникин понимал, что означают эти слова. Армии нужен был новый вождь. Под него давно копал Врангель, рвался к власти честолюбивый Слащев. Новороссийский разгром совершенно деморализовал войска: это уже по тому было видно, с каким трудом удавалось пресечь бесчинства переправленных в Крым частей. Сам генерал Кутепов так усердствовал в наведении дисциплины, что вызвал даже протест симферопольского земства: «Население лишено возможности посылать своих детей в школы из-за болтающихся на фонарях висельников» (9, 90). Ясно было, что такими мерами нельзя ни спасти армию, ни добиться победы. Во главе войск должен был стать другой военачальник, способный выдвигать новые идеи.

Главных претендентов на этот пост было, как уже ясно, два. Первый – генерал Яков Слащев-Крымский, отвоевавший для белых Крым, первым сообразивший – когда еще Доброармия вяло стекала на Дон, – что спрятаться можно будет только на полуострове, и первый замкнувший крымские перешейки силами своего корпуса. Слащев был человек необыкновенного военного дарования, даже пристрастие к кокаину не притупляло его талант, а только, может быть, делало его парадоксальнее и злее. Вторым был генерал Петр Врангель, политический оппонент Деникина, тайно интриговавший за его спиной и

несколько раз пытавшийся угрозами отставки подтолкнуть главнокомандующего к более решительным внутренним реформам.

У Врангеля были сторонники, считавшие, что крушение белого дела обусловлено прежде всего бездарным промедлением решения вопроса о земле. Деникин знал эти настроения, наиболее отчетливо формулируемые в «особых мнениях» по пересмотру проекта земельного уложения и в разного рода предупредительных записках, присылаемых в Особое совещание при главнокомандующем. В одной из них профессор Харьковского университета М. М. Соболев договаривался до прямого эсерства, предупреждая, что крестьянство может быть умиротворено только при условии наделения малоземельных землею – ему даже казалась небезопасной ставка на свободного покупателя земли, ибо так «не будет решена земельная проблема, как ее понимает крестьянская масса» (71). Но Деникин и не желал быть вождем масс, в понимании которых наилучшим решением земельного вопроса был революционный грабеж. Он защищал даже не помещиков, а незыблемость Закона: ибо, если упраздняется Закон, у страны не может быть иного выхода, кроме как в хаос и распад. С другой стороны, нельзя было отрицать, что, следуя букве закона, он хаоса и распада не избег, что растяжение «подготовительного этапа» реформы на два года имело результатом колоссальный социальный взрыв, испепеливший тыл его армии. Деникин не знал, как найти выход из этого противоречия. Расположившись в феодосийской гостинице «Астория», он ждал, какое решение примет генералитет Добровольческой армии. Он был готов к отставке.

3 апреля генерал Слащев в Джанкое «от имени войск и своего» приветствовал прибывшие на позиции славные части Дроздове кой, марковской и алексеевской дивизий и выразил уверенность, что, оправившись, войска выступят на фронт, чтобы «с новыми силами идти к Москве» (80, оп. 1, д. 20, л. д. 43). Пока прославленный боевой генерал ораторствовал перед частями, в Севастополе начался военный совет, посвященный выбору кандидатуры нового главнокомандующего. Совет длился целый день. Лишь ночью четвертого по прямому проводу в Феодосию было сообщено: Врангель. Деникин не замедлил с ответом, немедленно подписав приказ о назначении последнего главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. Пятого апреля Антон Иванович Деникин, после официального прощания со штабом и офицерской ротой охраны, одетый в матерчатый английский плащ, вышел из своего номера в гостинице «Астория» и, поднявшись на борт стоявшего под парами английского миноносца, навеки оставил землю России.

Оказавшись во главе белого движения, Петр Николаевич Врангель отверг советы английских дипломатов ограничиться обороной Крыма, понимая, что отсидеться за перекопской позицией долго не удастся – любой мир с большевиками будет лишь тактической уверткой – и начал готовиться к новому широкомасштабному походу на красных. Однако он решил не повторять ошибок предшественников, не довольствоваться англо-французской военной помощью, а воодушевить поход новой политической программой, придать ему соответствующее идеологическое обеспечение. Нужно было привлечь на свою сторону крестьянство. Нужно было нейтрализовать, а лучше – привлечь на свою сторону силы, прежде объединенные петлюровским движением на Украине, не отпугнув их образом «единой и неделимой» России. Нужно было вновь залучить на свою сторону разочарованных белым движением донских и кубанских казаков, а также кавказских горцев. Нужно было сформулировать привлекательные лозунги для рабочих –

чтобы, выступив из Крыма, гарантировать себе успешные мобилизации.

Время торопило. 25 апреля началась советско-польская война, и, хотя с правительством Пилсудского у Русской армии единых целей быть не могло, не использовать момент было преступно. 26 апреля поляки взяли уже Житомир и Коростень, а у Перекопа все еще только звучал «редкий артиллерийский огонь» – белые войска не были готовы к выступлению.

Хотя постфактум многие утверждали, что именно болезненная расслабленность внутренней жизни белого Крыма, яд «неизменной лести, прислужничества» и одурманивания рассудка «явно бессовестными измышлениями о соотношении сил своих и противника» (9, 8) и погубили врангелевский режим, следует все же признать, что ни одно правительство времен Гражданской войны, за исключением разве что большевистского, не обнаружило способности в столь короткие сроки формулировать и утверждать законы такой важности, какие были приняты правительством Юга России. Принятый за два только месяца пакет законов (декларация по национальному вопросу, закон о земле, закон о волостных земствах и сельских общинах) сделал бы честь любому режиму, вступившему на путь реформаторства, и, безусловно, в мирное время стал бы для страны целительным лекарством, уникальной возможностью излечить застарелые, вечно обостряющиеся болезни.

Приближался час начала решительных действий. 13 мая 1920 года Врангель в секретном приказе по войскам, указывая на вероятность встречи с махновскими и петлюровскими отрядами, предписывает командирам «сообразовывать свои действия с действиями войск этих групп, имея в виду основную задачу свергнуть коммунизм и помочь русскому народу воссоздать свое великое отечество» (40, 149).

За десять дней до приказа о начале наступления – опубликован принятый правительственным Сенатом закон о земле, отличающийся совершенно не свойственной для российских законов решительностью. После опубликования закона главнокомандующий в разговоре с одним из генералов вынужден был выслушать попреки, что помещики не вполне довольны новым законом. Врангель резко оборвал скулеж:

– Я сам помещик, и у меня первого придется делить землю... (9, 15).

Именно делить, отдавать в собственность «вечную, наследственную, нерушимую». На чувстве собственника, которым мог стать любой крестьянин, Врангель и хотел сыграть, зная, что крестьян не устраивает большевистская национализация земли. Если бы такой закон был принят в 1906 году, когда по всей стране заради земли рвались эсеровские бомбы, в России больше никогда не было бы революции, она давно была бы страной с развитым фермерским хозяйством. По сравнению с реформами Столыпина врангелевский закон был просто революционным – не какие-то отдаленные сибирские земли отдавались крестьянам, а все: казенные, банковские, городские, помещичьи, частновладельческие – то есть буквально все, на которые когда-либо поднималась рука русских революционеров с требованием равенства и справедливости. Помещикам оставались только усадьбы «с садами и огородами и небольшими участками полевой земли», что было, в общем, гуманно. Де-факто признавался революционный передел земли: каждый, сумевший по весне

обработать и засеять землю, объявлялся ее хозяином. Выкуп за землю назначался сравнительно небольшой: пятая часть урожая ржи или пшеницы на протяжении двадцати пяти лет. В целом в законе просматривался, конечно, «кулацкий» уклон, ориентация на крупные фермерские хозяйства, но стартовые возможности у всех были одинаковы, отстранялись законом от ведения земельных дел только коммунисты да явные лоботрясы, оставившие землю необработанной. Были, как и во всяком законе, еще мелкие закорючки, но, повторяю, столь радикального земельного закона Россия не знала, и если б на дворе был 1906 год, то, вероятно, вся страна вздохнула бы одним общим вздохом облегчения: и крестьяне, что ждали эту землю, и революционеры, что за право земли и воли становились динамитчиками. Врангель опоздал всего лишь лет на пятнадцать – и никто не вздохнул с облегчением, никто не возрадовался.

Ушло время. А. Валентинов в своих воспоминаниях объясняет это тем, что закон очень медленно доходил до сведения населения: первоначальные экземпляры его распространялись только за деньги, газеты белые стоили в тридцать раз дороже большевистских. К тому же выходили они в ничтожном количестве экземпляров, да и те разворовывались. Да, разворовывались! Для самых что ни на есть бытовых нужд! Одно дело, если б судьба Крыма была целиком в руках радикально настроенных военных и политиков... Но идеалистов было ничтожное меньшинство, новую Россию нужно было строить из старого человеческого материала, а материал местами был добрый, местами совсем гнилой. И так же, как невозможно было из Русской армии Врангеля вытравить ставший под конец совсем уж фальшивым пафос Добровольческой армии Деникина, так невозможно было из врангелевских учреждений вытравить тот дух волокиты, низкопоклонства и мздоимства, который волочился за российскими чиновниками еще с гоголевских, с щедринских времен. За всем этим – тоже какая-то горькая ирония истории. А главное – безнадежность: в то, что белые возвращаются под знаменами революционных реформ, уже никто не верил. Доброармия оставила повсеместно о себе весьма неприятные воспоминания, а у врангелевцев все: и форма с погонами, и манеры, и даже язык были те же. Вот тут, я думаю, и кроется весьма субъективное, но чрезвычайно существенное обстоятельство—что после 1919 года народ ничего уже хорошего от белых не ждал. С чем бы они ни шли, они были белые, золотопогонники, господа. В этом все дело. Больше ни в чем. Но этого оказалось достаточно, чтобы обречь белое дело на гибель. По этой же причине Махно не мог быть союзником Врангеля. Хотя если рассуждать отвлеченно, то почему бы ему не принять врангелевский принцип: «советы земельных собственников» против «комитетов бедноты»? Что, в самом деле, мешало?

Серьезного – ничего. Так, неуловимое что-то: запах какой-то другой. Мыло. Одеколон. Выражения лиц. Но именно через эти мелочи – полная несостыковка и неизбежность отталкивания.

Но и это все выяснилось не сразу: прошло несколько месяцев надежд и самообманов, прежде чем белые начали понимать, что изнасилованная большевиками страна их тоже не ждет. Уже не ждет. А поначалу надежды были самые радужные. 6 июня начался выход войск из Крыма. Перекопскую пробку вышибли с кровью, но быстро: латышские части, сторожившие перешеек, отстреливались в упор не только из винтовок, но и из орудий. Везде, по всему фронту, белым приходилось преодолевать колоссальное сопротивление, но

в конечном счете им везде сопутствовала удача.

Врангель был воодушевлен и взбудоражен успехом. 7 июня, узнав, что красные отступают от Перекопа на север, он, сидя в вагоне штабного поезда в Джанкое, азартно воскликнул:

– А не дернуть ли мне сейчас туда на аэроплане? (9, 13).

Вечером седьмого же – первое награждение новым орденом святого Николая Чудотворца. Кавалер – поручик Любич-Ярмолович, танкист, своим танком проломил четыре ряда проволочных заграждений и захватил одно орудие. В его честь в вагоне главнокомандующего пили шампанское...

В результате двухнедельных боев возглавляемая Врангелем Русская армия завершила практически невыполнимую задачу, вырвавшись на оперативный простор из плотно запечатанного крымского горлышка. Но здесь же и начался ужас, который преследовал белое движение до самого конца: равнодушие. Была объявлена мобилизация, но никто не спешил под белые знамена. Потери в частях восполнялись на 80 % пленными, которым было абсолютно все равно, на чьей стороне воевать. Потери же были огромны, причем гибли лучшие, старые части: рассказывали о резервной роте марковской дивизии, целиком уничтоженной тяжелым снарядом в сарае, на месте которого образовалась огромная воронка. Забравшаяся в воронку собака вылезла алого цвета от человеческой крови, отряхиваясь, словно после купания... (9, 19).

Еще хуже, что на фоне совершенно равнодушного отношения к освободителям основной части народа всякий успех Русской армии сопровождался благотворительно-патриотическими обедами, которые, как правило, сопровождались грандиозной попойкой – на нее сбегались устроители-буржуа и многочисленные прихлебатели режима. Для этого людей всегда было предостаточно. Для дела – нет. А. Валентинов вспоминает, как Врангель, узнав, до какой степени бездарно проводится в жизнь его главный внутривнутриполитический козырь – земельный закон, – в отчаянии закричал:

– Где же мне взять честных, толковых людей?.. Где их, наконец, найти!.. Где?! (9, 27).

В конце июня красные предприняли попытку контрнаступления. Спазм кровопролитнейших боев продолжался две недели: на правом фланге кавалерийская группа Жлобы чуть не отрезала и не захватила в плен ставку главнокомандующего в Мелитополе. Окружение и ликвидацию жлобинской кавалерии силами почти одной пехоты Врангель считал случаем беспрецедентным в истории тактики. Позже красное командование придумало подходящее оправдание этой неудаче, заявив, что наступление Жлобы было не более чем демонстрацией, призванной отвлечь внимание белых от выполнения стратегически важной задачи – захвата плацдарма на левом берегу Днепра, возле Каховки. Потери Жлобы – 11,5 тысячи пленных, 60 орудий – заставляли как будто сомневаться, что «демонстрации» можно проводить столь дорогой ценой, но, с другой стороны, на левом фланге белого фронта красным действительно удалось переправиться через Днепр у Каховки и закрепиться на клочке земли, откуда несколько месяцев спустя они и нанесли сокрушающий удар врангелевской армии.

Июль и август – новый приступ войны, закончившийся значительным расширением территории, контролируемой Врангелем, и почти полным истощением сил его армии. Все это время Махно вел себя по отношению к врангелевцам совершенно индифферентно. Он действует так, как будто белых не существует. Более того, если мы проследим за рейдами Махно летом 1920 года, то убедимся, что оперировал он на значительном удалении от линии фронта, в глубоком красном тылу, красным фронтом как бы прикрываясь от белых и непосредственно фронту, собственно, даже и не вредя, чтоб не ослабить реально дерущиеся на фронтах красные части. Другое дело тыл – здесь он желал чувствовать себя хозяином, и если кто приходил заводить свои порядки, бил и резал без пощады. С началом наступления белых он направляется со своими отрядами на север – подальше от района боевых действий. Белым он не сочувствовал. Красным тоже. Ему было важно одно – удержать за собой деревню.

Врангель, разыгрывая во внутренней политике «крестьянскую карту», не оставлял надежды привлечь махновцев на свою сторону. А. Валентинов – журналист, близкий к ставке главнокомандующего, – вспоминает, что в июне, после перенесения ставки в Мелитополь, к Врангелю зачастили «камышовые батеньки» в кожаных тужурках, обвешанные револьверами и бомбами. Здесь были и бывшие петлюровские атаманы, и просто закоренелые бандиты, которым надоело сидеть в тростниках. Но Махно не было. Махно никого не прислал. Одновременно выяснилось, что, несмотря на намерение сплотить вокруг белого движения все возможные силы, реально установить контакты с первыми же посланцами партизан в белый стан по чисто психологическим причинам невозможно. «Камышовые батеньки» поражали и видом своим, и повадками: доставляемые с вокзала на автомобиле, они не открывали дверцы, а просто перешагивали через них, как через борт телеги. Чины штаба мучились вопросом: «подавать ли им руки?» Естественно, при таких настроениях ничего путного из этих переговоров получиться не могло. Стороны слишком не доверяли друг другу.

Что-то было фатальное в разделении на черную кость и белую косточку: вроде бы врангелевцы и поняли, что спасти белое движение можно только найдя опору в «народе», – но при встрече с «народом» непреодолимейшая безразличность возникала... В конце концов белым удалось наладить поставки оружия партизанам петлюровского толка, но о совместных действиях мечтать уже не приходилось.

Самой большой удачей белых был Володин – действительно бывший махновский командир, называвший себя анархистом, простолюдин, самою фигурой своей символизирующий единение белой власти с народом. Из Володина пытались сделать подлинно народного вождя, а из его отряда сформировать соединение с многозначительным названием «дивизия имени батеньки Махно». Володин к белым примкнул добровольно – и все равно его все время подозревали в сочувствии большевикам и в конце концов расстреляли, после чего вскоре дивизия снова переметнулась к махновцам. Так что не состыковывалось черное с белым. Принципиально. С тою же неизбежностью, с какой военная переписка Русской армии велась на белой бумаге, а красноармейская – на чистой стороне разорванных конторских книг царского времени: телеграфные ленты наклеивали даже и на исписанную поверхность.[19] И дело тут совсем не в том, что у белых чистой бумаги было больше, а в принципиальной разнице культур, которая, на самом деле, сказывалась в каждой мелочи.

Прежде чем эта невозможность выяснилась вполне, прошло довольно много времени. И белое командование, и Сенат, и «публика» все-таки хотели верить, что «народ» поймет, присягнет, поклонится. Имя Махно белой печатью повторялось, как заклинание. Нет сомнения, что для врангелевских пропагандистов Махно был совершенно литературным персонажем, некоей интеллигентской мечтой о народном герое в образе самого сильного и неуловимого партизана Украины. Нет также сомнения в том, что реальный Махно пропагандистов ужаснул бы куда больше, чем «камышовые батьки», приезжавшие на поклон к Врангелю. Но до встречи с махновцами самообманы белых в отношении Махно и его отрядов достигли поистине степени душевного расстройства. А. Валентинов вспоминает: «Верхом чьего-то усердия и чьей-то наглости были явно вымышленные сводки штаба Махно, усердно печатавшиеся всей усердной прессой. В „сводках“ сообщалось о занятии Махно Екатеринослава, Синельникова, Лозовой, Кременчуга и чуть ли не Харькова. Сводки демонстрировались в Севастополе на Нахимовском с экрана, собирая целые толпы бессовестно околпачиваемого люда. Излишне, само собой, говорить, что никакой связи с мифическим штабом Махно у нас не существовало... Так завязывался с каждым днем все туже и туже узел лжи, лести, самообмана...» (9, 33). Но этот самообман в таком случае был частью внутренней политики: ведь и Врангель заявлял в одном из своих интервью, что рассматривает партизанский отряд Махно как свою рейдовую группу в тылу врага, и появлялись на улицах южных городов приказы за подписью трех генералов: Деникина, Врангеля, Махно (12, 164). Последняя фальшивка особенно интересна. Вряд ли это обычная попытка обмануть население. За нею стоит большее, целый клубок представлений пропагандистов белого дела, который можно попытаться расплести так: с одной стороны, Махно оказана честь («генерал»), этим сразу определяется и ранг его в случае перехода в белый стан, и соответствующая генеральскому чину субординация; с другой стороны, этим «генералом» Махно как бы окончательно компрометировался в глазах красных и силком «выпихивался» навстречу белым.

Махно, несомненно, кое-что знал обо всей этой возне. Она не могла не раздражать его: белых он ненавидел отчетливой ненавистью плебея и революционера. Нужно было как-то обозначить свою позицию.

В июле, когда Повстанческая армия завершила первый свой кровавый «круг» по Украине и вернулась в родные места, штаб Махно впервые оказался для белых в пределах досягаемости. 9 июля, пробравшись через линию фронта, к Махно в село Времьевка прибыл капитан Русской армии, который по поручению штаба должен был передать на словах, что вся земля без выкупа переходит крестьянам, а местные самоуправления получают самую широкую демократическую автономию. Кроме того, смельчак доставил пакет.

Внутри содержалось послание:

«Атаману Повстанческих войск Махно.

Русская армия идет исключительно против коммунистов, с целью помочь народу избавиться от коммуны и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь...

...Теперь усильте работу по борьбе с коммунистами, нападая на их тыл, разрушая транспорт и всемерно содействуя нам в разгроме войск Троцкого. Главное командование будет посильно помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пришлите своего доверенного со сведениями в штаб, что вам особенно необходимо...» (17, 135).

Махно распорядился посланца немедленно и публично казнить. Причем не расстрелять – а повесить. Этим подчеркивалась особенная значительность события. Этим должно было быть что-то выражено. Что? К трупам несчастного капитана приколоты записки: «Никогда никакого союза у Махно с белогвардейцами не было и не может быть, и если еще кто-то из белогвардейского стана попытается прислать делегата, его постигнет участь, какая постигла первого» (40, 151).

Но почему?! Разве Махно без предложения врангелевцев не разрушал красный тыл, не сдирал с полотна рельсы упряжками волов, не разорял склады, не истреблял партийных активистов? Разве он не нуждался в вооружении? Нуждался. Может быть, некая интонация долженствования смутила его в письме или подпись – «генерального штаба генерал-лейтенант Шатилов»?

Да-да, что-нибудь в этом роде и смутило: слишком много «генералов» в одной строке. Махно ведь был революционер. У него было мировосприятие революционера, язык революционера – и в этом смысле даже любезное «Вам» с большой буквы должно было раздражать его. Любезности и «генералы» не вписывались в картину мира революционера точно так же, как не вписывались в картину мира белого офицера «товарищи», Советы, Реввоенсоветы и прочие химеры революции. Почему Врангель не выбросил лозунг «Советы без коммунистов!», а издал закон о земских самоуправлениях? Не мог. Не владел этим языком. Не понимал, что выражают эти слова. Для него значительными, исполненными смысла словами были совсем другие: Родина, Русь, Вера, Собственность, Мирный Труд, Право.

В приказе по войскам, опубликованном накануне выхода из Крыма, Врангель обещал прощение «заблудшим, которые вернутся к нам» (9, 11). Махно дал понять, что не нуждается в прощении. Труп повешенного капитана в селе Времьевка был единственным ответом, которого удостоилось белое командование на предложение о сотрудничестве.

В середине июля махновцы вновь покидают прифронтовую полосу и устремляются на север, по второму кругу инспектировать свои владения. В конце июля на красно-белом фронте опять начинаются тяжелейшие бои – до конца августа. Начавшиеся 17 августа переговоры Советского правительства о мире с Польшей позволили часть войск, дравшихся на польском фронте, перебросить против Врангеля. Неожиданно появляются у красных бронепоезда и большие массы конницы. Белые все еще пытались пробиться на север, но силы их иссякали. В журнале военных действий марковской пехотной дивизии события на фронте характеризуются вполне драматически: «3-й марковский полк, отбив ряд жестоких атак красной пехоты, перешел в контратаку и погнал пехоту красных, но, будучи обойденным прорвавшейся конницей красных... принужден был отходить на ст. Бурчатск. Бронеавтомобили „Генерал Слащев“ и „Редкий“ были брошены на правый фланг 2-го полка и сдерживали конницу противника. Около 10 час. с криком „ура“ конница красных бросилась в атаку на отходящие наши цепи. Дружные залпы и огонь всех пулеметов героев-

марковцев встретили красную лавину... В 10 ч. 15 м. из лощины внезапно выскочили 5 автоброневиков красных и врезались в цепи 2 полка. Произошло замешательство, и красная конница замкнула кольцо, отрезав два батальона... Погибли герои, будучи частью изрублены, частью в упор расстреляны из пулеметов автоброневиков...» (80, оп. 1, д. 25, л. д. 12-13).

Бои такого накала не спадали несколько недель. «Черный август» белого наступления – как прозвали его красные – для самих белогвардейцев тоже был окрашен в траурные тона: стольких жертв это наступление стоило.

Махно действовал с полным безразличием к последним надрывам врангелевского наступления: Повстанческая армия проходит с запада на восток в 100–150 километрах от линии фронта в совсем тихие, пограничные с Россией районы Харьковской губернии, где в конце концов и замирает, заняв Старобельск. И хотя в справке военного комитета Антанты со ссылкой на «лиц, близких к генералу Врангелю», и сообщалось, что главнокомандующий заключил соглашение с Махно, который «координирует свои действия с ним» (69, 55), это был двойной обман: с одной стороны, французов, которые искали подтверждение целесообразности своих военных инвестиций, а с другой стороны – самих себя. В августе Махно действительно начал искать способ заключить союз. Но – с красными.

Из далека времени это кажется почти невероятным. После всего случившегося в 1919 и 1920 годах как могли большевики и махновцы в принципе о чем-либо договариваться?! Разве кровь порубанных и расстрелянных товарищей не разделяла их? Разве махновцы на собственном опыте не убедились – дважды причем, – что все соглашения с большевиками заканчиваются для них одинаково? И все-таки договор был подписан. Причем не просто договор. В октябре 1920-го соглашению между Повстанческой армией и властями Советской Украины был придан статус правительственного постановления. Мог ли Махно мечтать об этом? Не знаю. Здесь – пик, высшая точка какой-то хитрой политической игры, начиналась которая еще летом.

Официально с февраля Махно был большевиками объявлен врагом, предателем, пособником и союзником Врангеля. Однако, убедившись в невозможности истребить его отряды и видя, что они с каждым днем набирают силу, большевики предпринимают ряд попыток совсем иного свойства. За две недели до того, как посланник белых появился в повстанческом штабе во Времьевке, у Махно побывал еще один делегат. Делегатом этим был представитель александровской организации левых эсеров (меньшинства), [20] который довольно недвусмысленно намекнул, что перед лицом Врангеля истинным революционерам следовало бы забыть все разногласия и, навалившись дружной силой...

Махновцы довольно быстро поняли, что посланец выборматывает не частное мнение левоэсеровской организации города Александровска, а предложение, сформулированное в верхах большевистской партии. Посланец подтвердил это, не прояснив, правда, от кого исходит предложение и каковы его полномочия. Однако заверил, что, если махновцы сочтут необходимым послать в Александровск делегацию для переговоров, им будет гарантирована полная безопасность.

23 июня состоялось заседание Реввоенсовета армии.

Виктор Попов, вероятно, особенно предвзято отнесшийся к посланцу уже в силу того, что над ним с июля 1918 года, как дамоклов меч, висел смертный приговор Ревтрибунала за участие в «левоэсеровском мятеже», прямо сказал, что большевики всегда все делали только для своей выгоды, и, если они предлагают союз, – значит, это ловушка. Махновцы против Врангеля, это само собой. Но что общего может быть у них с революционерами, которые посылают карательные экспедиции в деревни?

Попова поддержал Василий Куриленко, сказав, что отказ должен быть четким и недвусмысленным, чтобы слухи о том, что махновцы потихоньку шушукуются с большевиками, не сказались на престиже движения. Виктор Белаш, самый «красный» среди махновцев, подумав, рассудил, что надо все-таки продолжать борьбу с большевиками. Нельзя не продолжать. В этом же ключе высказались и все остальные: Марченко, Дерменджи, Огарков.

Махно слушал. Потом сказал, что хотел бы обратить сугубое внимание собравшихся на то, что этот визит, конечно, целиком инспирирован большевиками, которые, вне сомнения, имеют совершенно определенные намерения. Сказано очень расплывчато. Больше, если судить по стенограмме заседания, батка не обронил ни слова. Что же он хотел сказать? Возможно, совсем не то, что в контексте других выступлений звучит как предупреждение о коварстве большевиков. Возможно, он хотел, чтобы помимо письменного ответа посланец передал своим покровителям собственные слова Махно, которые ведь могут быть прочтены и так: намек понял. Да, левоэсеровский посланец не только был отпущен с миром, но и увез письменный ответ о том, что, имея коренные разногласия с большевиками, махновцы, конечно, выступят против Врангеля – но в качестве самостоятельного революционного отряда.

Примечательно, что все эти события разворачивались через два дня после того, как был трагически расстрелян Федя Глущенко, признавшийся старым товарищам, что подослан чекистами. Так что «вариант Махно» большевиками прорабатывался сразу несколькими способами. Какой из них сработает – было не ясно. Махно все это прекрасно понимал, но, пока ситуация была неблагоприятна для него, он занимал двусмысленную позицию. Ему надо было как-то исхитриться и вывернуться, сыграть свою игру.

Пока же карта не шла, он придерживался строгой линии жесточайшего аграрного террора. Он не боялся жестокости. Террор ведь тоже был аргументом в этом затянувшемся политическом диалоге. Махно давал понять, что разговорчиками на этот раз не отделаться – нашла коса на камень. Что если уж переговоры – то всерьез, с печатями, оглаской и гарантиями.

Как ни странно, но именно в этом расчет его оказался верен: большевики всегда считались только с силой, и пошли на переговоры с Повстанческой армией лишь потому, что та все лето громила и жгла их тылы, болтаясь там, подобно раскаленному ядру. Страх, что в момент контрнаступления на Врангеля это ядро опять стронется с места и опять спутает все карты, принудил большевиков к переговорам. «Черный барон» был слишком серьезным

противником, чтоб рисковать. Им нужно было обезопасить тыл.

Махно тоже нужно было соглашение. Во-первых, после августовского наступления белые вновь заняли основную территорию его района: Александровск, Мариуполь, Бердянск, Гуляй-Поле. Отношение крестьян к ним было, если верить формулировке Кубанина, «абсолютно отрицательным». Если же верить «Сведениям об осуществлении земельного закона», собранным врангелевским управлением земледелия и землеустройства, то беспокойство Махно, несомненно, должно было вызвать то, что кое-какой отклик у замордованных войной крестьян врангелевский закон о земле все же нашел: к осени реально началась разверстка земли. Реально было создано 83 волостных совета, в основном в Мелитопольском, Бердянском и Днепровском уездах – которые взяли на себя вопросы землеустройства. В самом сердце своего владычества Махно терял влияние – и из-за кого? Из-за золотопогонников?! Ему нужно было срочно вернуть себе статус хозяина положения, а для этого – сыграть на революционных настроениях крестьян, пока еще не распропагандированных белыми, – а значит, выступить вместе с красными против Врангеля и повесить свои акции непримиримого борца за крестьянское дело.

Из дальней исторической перспективы очевидна трагедия. Несомненно, и для России, и для Украины в целом, как и для крестьян России и Украины, было бы лучше, если бы в 1920 году победу одержала белая «демократическая диктатура» вроде врангелевской. Но в то время крестьяне и белые уже не могли друг друга понять. Крестьяне приняли революцию – а значит, захват земли без какого бы то ни было выкупа, грабеж, «красного петуха». Врангелевский путь реформ был глубоко чужд им.

Махно не мог не отдавать себе отчет в том, что, несмотря на все беспощадство, проявленное им в борьбе против коммунистов, политическое решение крестьянского вопроса в Советской Украине не продвинулось ни на йоту. «Вольные советы» повсеместно были разогнаны, отсортированный большевиками ВЦИК Советов работал так, как будто не было в деревне мощного противобольшевистского движения. Можно было бандитствовать еще два, три месяца – ситуация не изменилась бы. После того как вслед за А. Бароном штаб покинула верхушка «Набата», нужно было вновь выводить махновщину из-под спуда листовок и ночных налетов на уровень политической организации, выступающей от имени крестьян. Еще и поэтому Махно нуждался в соглашении с большевиками.

Махновцы, по-видимому, после визита к ним левоэсеровского делегата пару раз делали намеки большевикам о том, что согласны обсудить условия возможного союза. Аршинов (без документального подтверждения) упоминает о двух телеграммах в Москву и в Харьков, которые остались без ответа (2, 171). Если это так, то совершенно очевидно, что никакие условия большевикам не хотелось обсуждать: они надеялись, по-видимому, что ситуация как-нибудь рассосется сама собой и можно будет не идти на уступки. Ситуация, однако, не рассасывалась. Напротив, с каждым днем она становилась все тяжелее и для красных, и для Махно. В августе, в разгар белого наступления, Махно решил, что время пришло чуть-чуть подтолкнуть события. Иосиф Тепер, работавший тогда в махновской секции пропаганды, вспоминает, что собственноручно сверстал номер газеты «Голос махновца», в которой предлагались большевикам совместные действия. Но Дмитрий Попов напоил Махно и убедил его рассыпать набор. Попов, как собака беду, чуял, где таится его погибель. Не в том

даже дело, что 6 июля 1918 года он оказался участником левоэсеровского «мятежа» в Москве (Блюмкин тоже был участником, и ничего – покался немножко и стал секретарем Троцкого). Попов не покался. Попов убивал. Лично. Как пишет (или врет) И. Тепер, он поставил себе цель – зарубить триста коммунистов. Зарубил сто девяносто. И совершенно небезосновательно чувал, что такое не простится ему, что какие бы теории и основания ни подводились под соглашение, лично для него это дело добром не кончится.

Махно не стал переделывать газету, но анархистов, уезжавших вслед за А. Бароном в Харьков, просил, чтобы «Набат» склонил большевиков к соглашению. Анархисты не стали хлопотать перед большевиками, но те, по-видимому, чутко следили за настроениями в штабе Повстанческой армии, потому что, когда пришла нужда, украинский ЦК большевиков, уже не маскируясь под левых эсеров, отправил в Старобельск делегацию во главе с уполномоченным РВС Южфронта В. Ивановым.

Дело было слажено на удивление быстро, что лишний раз доказывает, что обе стороны имели в виду этот «запасной вариант». Иванов прибыл в Старобельск 20 сентября. Вновь состоялось заседание Реввоенсовета армии, на котором за соглашение с большевиками высказалось уже абсолютное большинство. Против – В. Попов и С. Каретников.

24-го дело чуть не сорвалось: не будучи в курсе политических игр, затеваемых партийным руководством, главком Красной армии С. Каменев простодушно отдал войскам приказ «окончательно ликвидировать банды Махно» (94, 246). В тот же день председатель РВС 13-й армии Н. Горбунов в секретном приказе разъяснил бойцам, что махновщина умышленно организована белыми, и, как только Врангель исчезнет, Махно исчезнет вместе с ним. К счастью или к несчастью, но до Махно эти приказы не дошли.

27 сентября В. Белаш по телеграфу связался с Харьковом и доложил о решении Реввоенсовета Повстанческой армии начальнику особого отдела Южфронта В. Манцеву.

29-го ЦК КП(б)У в лице Раковского, Косиора, Чубаря, Иванова, Яковлева и других решает идти на соглашение с Махно. По-видимому, рассказ Иванова об увиденном в Старобельске произвел на собравшихся достаточно серьезное впечатление.

Махно ждал. В два часа ночи 30 сентября из Харькова пришел ответ, что вопрос о соглашении решен положительно. Махно немедленно продиктовал приказ о прекращении всяких враждебных действий против частей Красной армии и советских учреждений. Затем, обойдя вокруг стола, за которым сидели члены штаба, батька будто бы сказал, что махновцам все равно необходимо сохранять полную боевую готовность и зорко следить за всяким движением красноармейских частей (12, 169).

Махно неплохо знал большевиков. Не хуже, чем они его. И все-таки он надеялся, что на этот раз – дожал. Что с ним вынуждены будут считаться, хотя бы перед лицом Врангеля. Кто знал, что «черный барон» будет разбит так скоро? Никто не знал. Если бы большевики могли предположить, что врангелевский режим продержится всего только полтора месяца, вряд ли они стали бы и затеваться с этими переговорами – а надо сказать, что обеими сторонами было в них проявлено немало усердия и, хотя бы по видимости, взаимного расположения.

Даже Л. Троцкий, давний враг Махно, поусердствовал и выпустил специальную брошюру – «Что означает переход Махно на сторону Советской власти?» – в которой в выражениях, ему совершенно не свойственных, отзывался о повстанцах: «Мы, конечно, можем только приветствовать тот факт, что махновцы хотят отныне бороться... вместе с нами против Врангеля... Только таким путем мы получим в лице лучших махновцев действительных друзей. Не нужно, конечно, преувеличивать силы Махно, как это делает обыватель. На самом деле махновцы представляют собой очень небольшой отряд. Но в борьбе против бесчисленных врагов рабочий класс дорожит даже небольшой помощью. Нужно только, чтобы союзник, который ее предлагает, был действительно честным и надежным союзником...» (77, 6). На такие софизмы товарища Троцкого могла подвигнуть только чрезвычайная необходимость: видимо, большевики действительно очень боялись какого-нибудь непредвиденного срыва во время наступления на Врангеля. И Врангеля с его реформами тоже боялись. Тут уж было не до амбиций. Ленин в докладе московским коммунистам 9 октября счел необходимым упомянуть: «По словам т. Троцкого вопрос о Махно обсуждался весьма серьезно в военных кругах, и выяснилось, что ничего, кроме выигрыша, здесь ожидать нельзя... Договор наш с Махно обставлен гарантиями, что против нас он не пойдет» (46, т. 41, 340).

Махно прекрасно знал, зачем он большевикам. Он понимал, что к переговорам с ним их подталкивает не добрая воля, а неуверенность в собственных силах. И он спешил воспользоваться моментом, чтобы вытребовать у красных такие условия договора, которые не позволили бы им, в случае чего, просто уничтожить его.

1 октября Реввоенсовет махновцев выпустил обращение к повстанцам, объясняющее причины союза с большевиками. Обращение было исполнено в предельно патетических тонах: «Неудержимо врзается все глубже и глубже в сердце Украины душитель народа немецкий барон Врангель. Зарвавшиеся были коммунисты и комиссары получили снова хороший урок... Учитывая вышесказанное, Совет Революционно-Повстанческой армии Украины (махновцев) принял решение временно до разгрома нападающих внешних врагов и царских наймитов идти в союзе и рука об руку с советской Красной Армией» (12, 169).

2 октября соглашение было подписано. Политическую часть от имени Советского правительства Украины подписал Я. Яковлев, военную – М. Фрунзе. От махновцев – В. Куриленко и Д. Попов.

В истории революции, да и вообще в истории большевизма, это было поистине беспрецедентное соглашение. После 1918 года, когда большевики вошли в силу, никому, ни одной партии, ни одному движению, не удавалось истребовать у большевиков больше, чем истребовали махновцы. Беспрецедентной была сама формула согласия, заключенного между Повстанческой армией и советским правительством.

Подчиняясь в оперативном смысле командованию Красной армии, Повстанческая армия сохраняла полную внутреннюю самостоятельность и принципы своей организации; разрешались мобилизации в Повстанческую армию в освобожденных районах; семьи махновцев в льготах приравнивались к семьям красноармейцев, о чем должны были получить бумагу от правительства.

Гарантировать выполнение военной части соглашения должна была политическая его часть. В составлении ее Махно, в буквальном смысле слова, некому было помочь, и, значит, он составлял ее сам. Поражает точность и определенность суждений.

Первый пункт: немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против Советского правительства.

Второй: свобода устной и печатной анархистской пропаганды.

Третий, наиболее важный: свободное участие в выборах в советы, участие махновцев и анархистов в подготовке V Всеукраинского съезда Советов в декабре 1920 года.

Все эти пункты соглашения представитель правительства Советской Украины Яков Яковлев подписал. За гранью соглашения остался только один, четвертый пункт, включить который в текст договора Махно особенно настаивал: об организации в районах действия Повстанческой армии «свободных советов», политически и экономически самоуправляющихся организаций, связанных с правительственными органами Советских республик договорными отношениями. Махно хотел воссоздать «вольный советский строй» хотя бы в виде заповедника в стране большевиков. Понимал ли он, что это невозможно?!

Яковлев заявил, что вопросы такой степени важности решать не полномочен. Они требуют отдельного обсуждения, консультаций с Москвой. Махно обнадежился, послал для продолжения переговоров в Харьков делегацию – все того же Попова, Буданова и Куриленко.

Все это по-настоящему поразительно. Неужели Махно в самом деле полагал, что все это всерьез? Выходит так, больше ему ничего не оставалось делать. Махновцы, как и все революционеры, когда-либо доверявшиеся большевикам, исходили из простого подobia: мы революционеры – и они революционеры, мы за Советы – и они за Советы... Другое дело, что большевики заблуждаются, они ожесточились, но они поймут... Поймут, что без пространства экономической и духовной свободы бессмысленна сама революция... Невозможно было осознать в то время, что за годы Гражданской войны партия большевиков превратилась в совершенно особую структуру, которая неизбежно и вне зависимости от воли отдельных ее вождей эволюционировала в сторону самого тяжелого, параноидального тоталитаризма, сравнимого только с фашизмом... Чтобы увидеть это воочию, нужно было подождать лет десять или хотя бы два года – когда для бывших соратников по революции распахнулись ворота Соловецкого лагеря особого назначения. Махно даром предвидения не обладал. И потом, он действительно был ослеплен результатами своей победы. После восьми месяцев проклятого бандитства настал долгожданный покой. С ним, гонимым и проклинаемым всеми, преданным даже единомышленниками, велись переговоры на правительственном уровне! С него печатно сняли обвинение в контрреволюции и пособничестве Врангелю. Его рану заживляли московские доктора (94, 254), его бойцы лечились в красноармейских госпиталях!

И потом, ничто как будто не заставляло всерьез беспокоиться за судьбу договора. Все развивалось как надо. После публикации в газетах военной части соглашения Повстанческая армия вступила в бои с белыми на отведенном участке фронта. После этого, правда, долго не публиковали основную, политическую часть – и сразу обнаружилась в ведении дел не свойственная им прежде вязкость. Переговоры по четвертому пункту все откладывались. Анархистов из тюрем выпускали «по капле». Не выдержав, Махно телеграммой потребовал немедленного освобождения арестованных в 1919 году Чубенко и Волина. Их освободили. Волин тут же помчался в Харьков помогать «делегации», которая, конечно, к ведению тонких политических дел была не подготовлена и, отчаиваясь, предавалась излишествам. Хозяйка квартиры, у которой останавливался Д. Попов, в ГПУ показала, что у того «день начинался с пьянства, ругани и стрельбы в квартирные лампы» (40, 185). Не знаю, насколько можно верить показаниям квартирной хозяйки, но то, что Попову могло быть желательно залить самогонкой подступившую к горлу смертную тоску, – несомненно. Ибо чуткое ухо должно было уловить некие смутные ноты, в которых звучала неясная тревога: то вдруг появлялась в газетах публикация, обливающая махновцев грязью с головы до ног, то неосторожное слово срывалось с языка...

А. Скирда в своей книге о Махно опубликовал редкий текст Марселя Оливье, оказавшегося в качестве гостя в самом центре занимающих нас событий. Оливье был одним из основателей Коминтерна (с французской стороны), переводчиком Розы Люксембург, да и вообще надежнейшим товарищем, каких немного было в мягкотелой и рефлексирющей Европе. После состоявшегося в Москве II Конгресса Коминтерна он был вместе с Жаком Садулем и Анри Барбюсом приглашен посмотреть на «разгром Врангеля». Возможно, что именно здесь, на Украине, Оливье впервые стал свидетелем событий, которые в тридцатые годы вынудили его внезапно порвать с коммунистическим движением, а впоследствии написать книгу «Опасный большевик», отрывки из рукописи которой удалось опубликовать А. Скирда. Заинтересованный взгляд пристрастного наблюдателя позволил французскому гостю сразу заметить то, чего, быть может, замечать ему и не следовало бы. Так, уже в разгар наступления на белых, на одной из вечеринок в Мелитополе, где размещался штаб 13-й армии, Оливье замечает «группу оживленно дискутирующих офицеров. В кругу их находился юноша лет двадцати пяти, которого окружающие явно осаждали, вследствие чего он с особой горячностью отвечал на вопросы и возражения своих собеседников. Я спросил у Виктора Таратуты (сопровождающего, свободно говорившего по-французски), о чем они спорят. Он объяснил мне, что это командир из дивизии Махно, незадолго до того влившейся в Красную армию, который пытается отстаивать перед остальными свои анархистские убеждения. Когда я заметил, что он очень возбужден дискуссией, Таратута сказал буквально следующее: „Как только с Врангелем будет покончено, мы его расстреляем...“ По правде сказать, я не принял всерьез его слов. Подумал – вырвалось для красного словца. Расстрелять человека, сражающегося в ваших рядах... только за то, что его убеждения не соответствуют вашим, – это была такая гнусность, на которую, как я думал тогда, большевики не способны. В чем, как выяснилось потом, ошибался...» (94, 280–281).

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 апреля 2025 11:21:04

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 апреля 2025 11:21:23